

НОЭМАТИЧЕСКАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Бредихин С.Н.¹, Сидоренко С.Г.¹

¹ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», Ставрополь, Россия (355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина 1, e-mail: bredichinsergey@yandex.ru

В данном исследовании анализируются основные закономерности процесса адаптации как нозматической, так и семантической структуры, а также освоения новейших английских заимствований в русском языке. В соответствии с современной теорией и методологией филологической феноменологической герменевтики в рамках полной адаптации различаются несколько видов трансформации смысла: приписывание актуализированных квантов смысла тем или иным элементам системы, повторное распределение смысловых структур в соответствии с концептуально-валерной системой продуцента/реципиента, определение валерности узловых квантов – определение места элемента структуры в акте порождения личностного смысла, дифракция/переразложение существующих узлов структуры и наоборот; чередование возможностей интерпретации элементов структуры. Наряду с процессами нозматической адаптации происходит морфологическая адаптация заимствования к системе принимающего языка.

Ключевые слова и фразы: русский язык, внутренняя форма слова, заимствование, англицизм, объективизация/дезобъективизация, трансформация.

NOEMATIC AND SEMANTIC ADAPTATION OF ENGLISH BORROWINGS IN MODERN RUSSIAN

Bredikhin S.N.¹, Sidorenko S.G.¹

¹North-Caucasus federal university, Stavropol, Russia (355009, Stavropol, Pushkina St. 1, e-mail: bredichinsergey@yandex.ru

This research studies and analyzes the main regularities of the adaptation process of noematic and semantic structure, as well as the development of new English loanwords in Russian. According to the modern theory and phenomenological hermeneutics philological methodology, there are several types of sense transformation under full adaptation: the attachment of actualized sense-quanta to certain system elements, remetaling of semantic structures in accordance with the value-conceptual system of producer/recipient, definition of the nodal quanta's value - the definition of a structure element in the act of personal sense derivation, diffraction of the existing nodes of the sense superstructure and vice versa; striping interpretation capabilities of the structure elements. Within the process of noematic adaptation the morphological adaptation of borrowing to the host language system is involved.

Keywords: Russian language, inner word form, borrowing, Anglicism, objectivization/deobjectivization, transformation

В последнее время во всех языках мира наблюдается огромный приток заимствований из английского языка. В основном это связано с обыденным разговорным общением или узкоспециализированными предметными областями. Множество заимствований входят в принимающий язык вместе с денотатом, однако существуют и такие, которые являются дубликатами уже имеющихся лексем современного русского языка. Это так называемая дань моде, данные лексем находят свое место преимущественно в текстах медийного дискурса и в обиходном общении (в частности, в интернет-дискурсе). Многие лексем подобного рода не полностью морфологически освоены русским языком и либо употребляются в их изначальной форме, либо претерпевают транслитерацию. Подобные заимствованные понятия не всегда представляют полный эквивалент русскоязычному понятию, именно в

связи со своей необычной формой они несут в себе и имманентно заложенные оттенки смысла, репрезентируемые в составе либо формой, либо аллюзивными коннотациями.

В данном исследовании выявляются и анализируются основные особенности ноэматической и семантической адаптации новейших заимствований из американского варианта английского языка, которые либо фиксируются в русских лексикографических источниках, либо являются авторскими и окказиональными.

Ассимиляция англицизмов на семантическом уровне рассматривается на основе современной филологической феноменологической герменевтики. Исследуется процесс трансформации семантической структуры, т. е. адаптации основного доминантного значения структуры внутренней формы принимаемого слова в принимающем языке. В данном процессе необходимо различать первичные адаптационные изменения ноэматической структуры смысла в единичном окказиональном акте интендирования и происходящие затем процессы в заимствованном понятии, которое изначально представляет собой «внутреннее понятие», о котором можно сказать следующее: оно относится к сфере рефлексивной реальности и представляет собой интуитивно осознаваемый в рамках определенной лингвокультуры наиболее общий метасмысл (именной, глагольный и т.п.). При заимствовании в другую лингвокультуру данные метасмыслы могут изменяться и чаще всего претерпевают трансформацию дифракции и модификации. Дальнейшая реализация в конструкторе заимствованной единицы в речи, т. е. ее распространение и употребление ограниченным числом членов лингвокультурного сообщества, приводит нас к понятию «невербализованному», ищущему свою репрезентацию в языковых структурах и формирующему рефлексивную составляющую «вербализованного понятия», которое в свою очередь рассматривается в слое мысле-коммуникации в определенном ближайшем контексте, в результате чего происходит переосмысление понятия и введение в его смысловую структуру дополнительных коннотаций. Вербализованное понятие при этом приобретает статусную характеристику в концептуально-валерной системе и далее может рассматриваться как «концептуализированное». При этом в рамках первичной или дальнейшей адаптации возможно усмотреть несколько типов трансморфемизации: «нулевая или же ее полное отсутствие (перенос в язык-реципиент свободной морфемы языка-источника), частичная (перенос иноязычной связанной морфемы – суффикса – в язык-реципиент) и полная (замена суффикса из языка-источника соответствующим суффиксом из языка-реципиента)» [3, с. 135]. При этом процесс внешней адаптации вербализованной структуры может происходить вне зависимости от адаптации внутренней формы слова. Данные процессы параллельны и обычно связаны лишь опосредованно, ведь полное герменевтическое распрямляющее понимание предполагает осознание деривационных

моделей и трансформирующей рефлексии, а значит, и возможность в полной мере использовать средства вербализации принимающей языковой системы.

Казалось бы необходимым в данном процессе наличие некоторой формы «переводческой адаптации», и обращение к понятию «перевода» часто связано с постулатом о принципиальной непереводаемости, повторной творимости некоторых понятий. Однако в данном случае для нас ситуация перевода как такового представляет собой лишь фон для описания и анализа способов трансляции внутренней формы слова, а также иерархического состава ноэм в иную лингвокультуру. Безусловно, интересным в данном случае оказывается рассмотрение людической теории Григория Дмитриевича Воскобойника и Евгении Юрьевны Кунициной.

В своих исследованиях Евгения Юрьевна Куница делает акцент на том, что «переводческая игра – нить онтологии, связующая художественное произведение, перевод и сцену». Но ведь аксиоматично, что некоторые тексты, в частности обиходно-разговорный пласт, или же интернет-коммуникация и сцена есть вещи несовместимые, это больше личностная сфера ноэматического распределения. В связи с этим некоторые контroversные положения теории Евгении Юрьевны не применимы к анализу творимых и порождаемых по определенным моделям понятий и привлечения их «переводческой адаптации» в текстах принимающей лингвокультуры. Однако рассмотрение переводческой эпистемической игры в данном аспекте представляется достаточно перспективным направлением.

Так как мы рассматриваем любой тип дискурса как некую конвергентную систему концептуально-валерных отношений и как узувальное, так и окказиональное словоупотребление, то он коррелирует как с позитивистской, так и с феноменологической характеристиками переводческой эпистемы по Воскобойнику, а потому при ноэматической, а впоследствии и семантической адаптации некоторых заимствованных понятий переводческие термины «эквивалентность» и «адекватность» в тех трактовках, в которых они представлены в работе Григория Дмитриевича, являются взаимодополняющими понятиями. Следовательно, ключевая дихотомия Воскобойника применительно к нарративному типу дискурса стирается и не имеет эпистемологической ценности.

Однако проблема личностного и вторичного смыслопорождения в рамках рассмотрения механизмов передачи этимологических и исходных имманентно присущих первоначальному понятию аллюзивных ассоциаций в структуре как смысла, так и значения чрезвычайно актуальна.

На втором этапе семантико-ноэматической адаптации заимствованного понятия лингвокультура закономерно наталкивается на проблему категоризации и концептуализации имманентно присущих глубинных содержаний понятия. Безусловно, проблема выведения

значения из смысла высказывания стоит в ходе данного процесса достаточно остро: действительно, лишь ядерная зона ноэм-доминант и ноэм-лингвокультурных-основ отвечает за выведение значения в узуальном употреблении конструкта, периферийные же области чаще всего не участвуют в образовании значения и представляют собой сферу творимости, а не закрепления.

Из данного постулата вытекает и вопрос, касающийся невозможности существования «объективного внутреннего смысла». В действительности исследователи, отвергающие его существование, правы лишь отчасти, если понимать «объективность» в узуальном смысле этого понятия – принимая во внимание «объективность» как интенционально заложенную характеристику продуцента, с точки зрения автора на первом этапе заимствования и переработки в процессе переосмысления понятия «смысл реален и объективен». Ведь авторская интенция предполагает структурирование и приписывание определенных «схем действия» по восприятию именно этого смысла. Определенный концептуальный смысл окказионального заимствованного понятия в рассматриваемых нами типах дискурса есть некий постулированный абстрактный объект, включающий определенные свойства, отношения и прежде всего на первом этапе категоризации «индивидуальные концепты», которые проходят дальнейшую процедуру верификации. Имеется в виду конечная форма существования понятия «концептуализированная», а значит, «обросшая», как мы уже говорили выше, дополнительными коннотациями и введенная в узус, т.е. приобретающая ноэмы концептуализации (внеязыковой значимости для лингвокультурного сообщества). Именно сонм данных ноэм концептуализации мы в нашей работе можем называть концептуальным смыслом, являющим собой лишь часть суперструктуры, характеристиками которой и являются свойства и отношения, представляющие собой метасвязи ноэм внутри «концептуального метасмысла». Под термином «индивидуальные концепты» (понятие было впервые введено Рудольфом Карнапом и рассмотрено еще Готтлобом Фреге, где они как объекты в косвенных контекстах относятся к области чисто ментальной, что для нас важно, ведь и ноэма является объектом рефлексивной реальности) мы понимаем лишь периферийные ноэмы концептуализации индивидуально-авторской когнитивно-валерной системы, вне соотнесения их с лингвокультурной общей реальностью системы принимающего языка.

Вышеуказанные изменения происходят в рамках определенных моделей трансформации суперструктуры, которые подробно описаны в работе С.Н. Бредихина «Трансформации в речевом потоке: производство смыслов и управление деривационными моделями».

1. «Приписывание актуализированных квантов смысла тем или иным элементам системы, в нашем случае квантам суперструктуры, данная трансформация обусловлена константами ситуативности и темпоральности. Для каждого конкретного речетворческого акта, в зависимости от вертикального и горизонтального контекста, происходит актуализация» [1, с. 116].
2. «Повторное распределение смысловых структур в соответствии с концептуально-валерной системой продуцента/реципиента, данный вид трансформации имеет в своей основе константу модальности» [1, с. 117]. В данном случае происходит перераспределение и возрождение компонентов смысла и значения в соответствии с интенцией продуцента в первичном заимствовании, в его системе координат.
3. «Определение валерности узловых квантов – определение места элемента структуры в акте порождения личностного смысла, что связывается с константой субъективности» [1, с. 118] порождения смысла и значения в определенном речевом акте. Это происходит при вторичном о-смыслении и о-культурации с одновременной трансморфологизацией элементов внешней формы вербализованного понятия, а также созданием того или иного доминантного ядерного смысла глагольного, адъективного или номинативного содержания. Предположим, что некоторые существующие в исходной лингвокультуре отношения метасвязей являются причиной глагольного типа номинации в системе языка, а это значит, что в языке субстантивного номинативного типа данная структурная особенность будет предполагать частеречную транспозицию в принимающем языке и наличие большого количества отглагольных существительных всех типов с сохранением имманентного аспекта процессуальности.
4. «Дифракция/переразложение существующих узлов структуры и наоборот; чередование возможностей интерпретации элементов структуры – базируется на операциях с ядерными структурами в корневых морфемах и аффиксах» [1, с. 119].

На процесс адаптации морфологической структуры и освоения в системе языка той или иной лексемы наибольшее влияние оказывают совпадения или же различия языковой системы исходящей и принимающей лингвокультуры. Так, например, различия в морфологическом строе (английский более аналитический, в то время как русский – синтетический и последовательно флективный) влекут за собой несовпадения, а соответственно переосмысления ассоциативных коннотативных компонентов многозначных аффиксов и их соответствующую трансморфемизацию.

Так, нулевой трансморфемизации в процессе адаптации внешней формы подвергаются сложные слова и аббревиатуры, ведь на первом этапе заимствования их

морфологическая структура не осознается членами лингвокультурного сообщества принимающего языка.

Например: *ИМХО* (*имхо, Имхо*) – подвергается лишь транскрипции (англ. *IMHO*, «*In my humble opinion*»); в дословном переводе «По моему скромному мнению». Чаще всего имеет форму записи заглавными буквами. Этимологическое значение данной лексемы «по моему скромному мнению» в результате переосмысления потеряло ассоциативный оттенок минимизации категоричности и приобрело более генерализованное значение «по-моему», «я считаю», «полагаю». При этом в исходном варианте (англоязычном) различные модификации типа *AISI* (*As I See It*), *IMNSO* или *IMNSHO* (*In My Not So Humble Opinion* – по моему не такому уж и скромному мнению) имеют аллюзивный оттенок ироничности или же аллюзивное указание на верифицируемость некоторой информации в некотором сообществе, что не передается в переосмысленном заимствовании в русскоязычном дискурсе.

На втором этапе частичной трансморфемизации подвергаются англицизмы, сохраняющие в принимающем языке некоторые связанные морфемы, большей частью это полусуффиксы или суффиксы субстантивации, например *-er* и *-ing*. Например: Юзер (англ. *User*) – пользователь персонального компьютера, какого-либо программного продукта и т.п. В процессе адаптации не происходило кардинальных трансформаций суперструктуры смысла, хотя в русскоязычном лингвокультурном сообществе, в отличие от англоязычного, данная лексема имеет более узкую семантику и не применяется в его генерализованном значении пользователя любого устройства и продукта. Однако данное, казалось бы, транскрибированное слово в русском языке имеет полную парадигму склонения, а также участвует в словообразовании.

На втором этапе категоризации может происходить и полная трансморфемизация, которая вербализуется в замене морфологических компонентов лексемы соответствующими элементами принимающего языка. Это касается прежде всего интернациональных аффиксов, хотя это нельзя считать подлинным о-смыслением, так как о-смысление морфологизированного компонента происходило без привязки к семантической структуре полного понятия.

Например: *пóстить* (англ. *to poste*) – размещать в форуме сообщение (отдельно взятое сообщение в форуме, пост верхнего уровня называется корневым, иногда сабжем (англ. *subject*)). Данная лексема полностью утратила все морфологические значения и их вербализаторы в принимающем языке и заменила парадигму спряжения русскими суффиксами и окончаниями, а также участвует в словообразовании в русских моделях, например: *запóстить*, (от англ. *to post*) – отправить сообщение в форум. Однако в процессе

полной трансморфемизации и одновременного пере-о-смысления компонентов происходит и полная утрата некоторых прямых значений исходного понятия. Так, в вышеупомянутой лексеме нивелировалось значение *POST – PowerOnSelfTest* – проверка компьютера BIOSом на работоспособность.

Все вышесказанное подтверждает предположение о том, что адаптация (как ноэматическая/семантическая, так и морфологическая) заимствованных понятий в системе рефлексивной реальности принимающей лингвокультуры и системе принимающего языка является многоплановым процессом, имеющим развернутую поэтапную структуру, охватывающую как процесс внешней адаптации морфемной структуры (а соответственно и включение заимствованного слова в систему грамматических категорий принимающего языка), так и внутренние адаптивные механизмы, происходящие в соответствии с моделями трансформации суперструктуры смысла.

Список литературы

1. Бредихин С.Н. Трансформации в речевом потоке: производство смыслов и управление деривационными моделями // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (038). – С. 115-124.
2. Мельников Г.Н. Теория языка и особенности языкового знака // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. Ростов н/Д., 1977. № 3. – С. 34-38.
3. Радченко М., Пехар Р. Морфологическая адаптация новейших русских и хорватских англицизмов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология», 2009. № 1(5). – С.133-141.
4. Сидоренко С.Г. Функциональные и типологические особенности английских заимствований лексико-семантической группы. Наименование лица в современном русском литературном языке. Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ставрополь, 2005. – 28 с.
5. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковской. М.: Эксмо, 2006. – 1136 с.

Рецензенты:

Ходус В.П., д.фил.н., заведующий кафедрой русского языка Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Гусаренко С.В., д.фил.н., профессор, декан факультета филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.